

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTURAL STUDIES

УДК130.2
ББК (Ю)87

*Татьяна Владимировна Бернюкевич,
доктор философских наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: bernyukevich@inbox.ru*

Буддизм в судьбе и творчестве М. Волошина: «моя первая религиозная ступень»

В статье отражены особенности рецепции буддийских идей в творчестве поэта Серебряного века М. Волошина. Идеи буддийской философии в лирике Волошина рассмотрены в контексте анализа места буддизма в европейской и российской культуре в начале XX века, факторов распространения буддийских идей и интереса к буддизму в этот период, среди которых названы: воздействие восточной философии на становление новых творческих парадигм и новых направлений в искусстве, опосредованность геополитическими интересами по отношению к Востоку и к Тибету, в том числе влияние буддологической науки, включение в культурное пространство России культуры «буддийских регионов». В статье особое внимание уделено фактам биографии М. Волошина, связанным со знакомством с буддийской культурой, его включённости в круг интеллигенции, увлечённой эзотерическими учениями, его встрече с одним из буддийских лидеров Тибета и России Агваном Доржиевым. На основе анализа исследовательской литературы, посвящённой творчеству М. Волошина, его дневников и эпистолярного наследия, произведений поэта представлена попытка выявления особенностей влияния этих личных контактов и отношений на мировоззрение и становление творческой концепции поэта. В целом делается вывод о необходимости изучения вопросов рецепции буддийских идей в русской литературе с точки зрения определения роли литературы в освоении инокультурных идей и в контексте исследования становления особенностей российской культуры.

Ключевые слова: рецепция буддийских идей, творчество М. Волошина, восточная философия, тибетский буддизм, буддийская культура, российская культура, философия культуры.

*Tatiana Vladimirovna Bernyukevich,
Doctor of Philosophy,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: bernyukevich@inbox.ru*

Buddhism in M. Voloshin's Life and Work: «My First Religious Grade»

The article deals with particularities of reception of Buddhist conceptions in works of Silver Age poet M. Voloshin. Reflection of conceptions of Buddhist philosophy in Voloshin's lyrics was considered in the context of analysis of Buddhism place in European and Russian culture at the beginning of XX century, factors of Buddhist ideas dissemination and interest to Buddhist at that time among which were named the following: influence of Eastern philosophy on forma-

tion of a new creative paradigm and a new movements in the art, dependency on geopolitical interests towards the East and Tibet including influence of Buddhist studies, joining the culture of "Buddhist regions" to the cultural space of Russia. The article focuses a close attention on M. Voloshin's biographical facts related to his acquaintance with the Buddhist culture namely his participation in intelligentsia circle keen on esoteric doctrines, his meetings with one of the Buddhist leaders in Tibet and Russia Agvan Dorzhiev. The analysis of research literature about Voloshin's work, his diaries and epistolary legacy, poet's works is a foundation for attempt to reveal peculiarities of influence of these personal contacts and relationships on outlook and genesis of poet's creative conception. On the whole the author draws a conclusion on necessity to face an issue of reception of Buddhist ideas in Russian literature in connection with a role of literature in reception of other cultures ideas and in the context of researches of genesis of Russian culture peculiarities.

Keywords: receptions of Buddhist ideas, M. Voloshin's works, Eastern philosophy, Tibetan Buddhism, Buddhist culture, Russian culture, philosophy of culture.

Рассмотрение рецепции идей (идей буддийской культуры) именно в литературе связано с определением особенностей литературы в освоении инокультурных философских идей, её роли в диалоге культур. В. Библер писал, что культура в кратком определении есть сфера произведений, а произведение «кристаллизирует» некоего Автора как представителя определённой культуры и именно через общение с этим Автором мы оказываемся на границе иной культуры. Через наше творческое общение мы даём ему вторую жизнь и «продлеваем» его в нашем времени и в нашей культуре. Литература в этом случае – это возможность взаимодействия с разновременными цивилизациями, возможность сделать ушедшее, бренное – вечным, возможность почувствовать в «чужом» своё.

Если говорить об особенностях исследования рецепции буддийских идей в литературе России, то можно выделить несколько сложных историко-культурных и философско-культурологических задач. Это определение круга писателей, в произведениях которых нашли отражение буддийские темы, идеи и реминисценции. Это рассмотрение факторов и причин обращения литераторов к буддийскому материалу, причём с учётом историко-культурного контекста эпохи, в которую жил писатель, мировоззренческих интенций его времени. Это, наконец, анализ этих произведений, включающий в себя не только рассмотрение собственно художественных особенностей произведения, но выявление места буддийских идей и реминисценций в общей творческой концепции автора и определение, в конце концов, особенностей восприятия и отражения буддизма в этой сфере российской культуры.

Как известно, в динамике культуры значительную роль играют культурные взаимодействия, которые способствуют как заимствованию элементов иной культуры, так и выработке новых смыслов в принимающей культуре. Значимость этого фактора возрастает в периоды, когда происходит смена культурных (и как части культурных – художественных) парадигм, когда сама культура, по сути, взывает к появлению нового. Вероятно, именно такой момент наступил в культуре России, в частности, в литературе, в конце XIX – первой половине XX века, в период, который справедливо называют Серебряным веком.

Максимилиан Волошин – поэт, в жизни и литературной судьбе которого, как у многих поэтов Серебряного века, нашли отражение самые разные религиозные и литературно-художественные влияния начала XX века. М. Волошин связывал своё духовное рождение с началом века – с 1900 годом. А за год до этого в его жизни произошли события, значительно повлиявшие на его дальнейшую судьбу. Будучи студентом юридического факультета Императорского Московского университета, он принял участие во Всероссийской студенческой забастовке в феврале 1899 года, за что был арестован, исключён из университета, затем восстановлен. <...> 21 августа 1900 года М. Волошина, который вернулся из путешествия по Италии и Греции, вновь арестовали в Судаче, затем последовал допрос в Москве и лишение права «въезда в столицу».

А затем произошло событие, которое имело особое символическое значение для молодого поэта и положило начало мифу о пути поэта как приобщении к особому Знанию. Это же событие, вероятно, повлияло

и на становление основного мотива лирики Волошина – мотива странничества. В 1900 году М. Волошин, после того как его выпустили из тюрьмы, исключили из университета, лишили права обучаться в высших учебных заведениях и проживать в столице и крупных городах, чтобы избежать неприятностей, принимает предложение инженера В. О. Вяземского (своего друга детства) и уезжает в Среднюю Азию в экспедицию на изыскания трассы Ташкентско-Оренбургской железной дороги. Шестого октября изыскательская партия В. О. Вяземского выходит в степь, М. Волошин в экспедиции – начальник каравана и заведующий лагерем. «Впереди – бесконечная красновато-бурая пустыня, – пишет Волошин Глотову, – чем дальше, – всё мутнее, всё синее и горы на горизонте. Всё ровно – ни холмика, ни деревца. <...> Тишь полная. Слышно, как стелется по земле степной ветер... слышно, как звенит сухой “джюсан”. <...> Под лучами заходящего солнца степь пылает красным пламенем. Всё, что было днём серо, плоско и бесцветно, теперь ожило и оделось в самые яркие, ослепительные краски. От старых стен поползли густые сине-фиолетовые тени. <...> Горы розовеют и синеют. Всё становится ярче, ярче – и начинает постепенно потухать. Степь одевается сиреневато-пепельным оттенком» [14].

Позже об этом времени Волошин напишет следующее: «Полгода, проведённые в пустыне с караваном верблюдов, были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры.

Это был 1900 год – год китайского пробуждения. Сюда до меня дошли “Три разговора” и “Письмо о конце всемирной истории” Вл. Соловьёва, здесь я прочёл впервые Ницше. Но надо всем было ощущение пустыни – той широты и равновесия, которые обретает человеческая душа, возвращаясь на свою прародину» [6].

В другой Автобиографии [«по семилетям»] об этом же: «<...> Я ходил с караванами по пустыне. Здесь настигли меня Ницше и “Три разговора” Вл[адимира] Соловьёва. Они дали мне возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно – с высоты азиатских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей» [5].

Итак, «пустыня» и «высота азиатских плоскогорий»...:

Царевна в сказке, – словом властным
 Степь околдованная спит,
 Храня проклятой жабы вид
 Под взглядом солнца, злым и страстным.
 Но только мёртвый зной спадёт
 И брызнет кровь лучей с заката –
 Пустыня вспыхнет, оживёт,
 Струями пламени объята [8].

(1901, Ташкент – Париж)

Исследователи часто указывают на «прозрение духа», происшедшее с молодым М. Волошиным в пустыне. <...> Было ли это какое-то особое мистическое потрясение, сложно сказать, учитывая, что вся жизнь поэта являла собой попытку (а, точнее, попытки) приобщения к тайному знанию (антропософскому, масонскому, оккультному). Важно и то, что «поэт осознал себя странником, впервые поставленным на предначертанный путь <...>» [3].

С. Н. Бунина отмечает, что «это “мистическое” переживание в туркестанской пустыне вполне могло иметь “лирическую природу” – “сюжет посвящения” является данью поэтической традиции и символически отражает значительность происходящего в душе поэта”. Однако она отмечает, что встреча с пустыней сыграла “роль катализатора” в судьбе М. Волошина, значительно определив его духовное развитие [3].

Весной, 4 марта 1901 года, Волошин приезжает в Москву. В столице продолжают волнения, в начале февраля в стране началась Вторая всероссийская студенческая забастовка, которая охватила 35 учебных заведений, это сопровождается массовыми демонстрациями, стычками с полицией.

М. Волошин уезжает в Париж, стремясь теперь познать европейскую культуру. А. М. Петровой он пишет: «Теперь туда – в пространство человеческого мира – учиться, познавать, искать. В Париж я еду, <...> чтобы познать всю европейскую культуру в её первоисточнике и затем, отбросив всё “европейское” и оставив только человеческое, идти учиться к другим цивилизациям, “искать истины” – в Индию и Китай. Да и идти не в качестве путешественника, а пилигримом, пешком, с мешком за спиной, стараясь проникнуть в дух незнакомой сущности <...> а после того в Россию окончательно и навсегда» (из письма А. М. Петровой от 12 февр. 1901 г.) [3].

В автобиографии об этом периоде Волошин напишет: «Здесь же [в Туркестане] создалось решение на много лет уйти на запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы.

С 1901 года я поселился в Париже. Мне довелось близко познакомиться с хамбо-ламой Тибета, приезжавшим в Париж инкогнито, и прикоснуться, таким образом, к буддизму в его первоистоках. Это было моей первой религиозной ступенью» [3].

Итак, М. Волошин прибыл в Париж с намерением изучить европейскую культуру, чтобы потом отправиться учиться в Индию и Китай. Но поэт был захвачен атмосферой Парижа. Здесь состоялась знаменательная встреча Волошина с хамбо-ламой Агваном Доржиевым. <...> Вероятно, этой встречи не было бы, если бы не тогдашнее парижское окружение поэта, уже знакомое с буддизмом. Об увлечении буддизмом творческой интеллигенции Парижа и Петербурга следует сказать отдельно.

Говоря об адептах буддизма в Петербурге, А. И. Андреев подчёркивает, что это были главным образом «представители высшего света и либеральной интеллигенции. Это были своего рода богоискатели, отвергшие ортодоксальное христианство и искавшие новую веру в религиозно-философских учениях Древней Индии и Тибета, таких как веданта и буддизм» [2].

Буддизм становится популярен в крупных европейских городах: Лондоне, Берлине, Вене, Риме и особенно в Париже.

А. И. Андреев пишет, что «<...> распространению буддизма на западе России немало способствовала также и новомодная теософия, имевшая явную индо-буддийскую подоплёку. От «Тайной доктрины» Е. П. Блаватской легко переходили к буддийскому учению как таковому, видя в нём некую универсальную религию будущего. В целом же не будет преувеличением сказать, что в Петербурге этого периода теософией и буддизмом увлекались в равной степени практически одни и те же люди, что породило даже такое характерное словечко, как «теософо-буддисты»» [2].

В Париже М. Волошин встретился с одним из лидеров «северного буддизма», с «посланцем далай-ламы». Эта личная встреча с одним из буддийских лидеров Тибета и России стала, по мнению самого поэта, прикосновением к буддизму «в его первоисточниках».

Нельзя понять важность этого события, не обратившись к личности Агвана Доржиева, биографии и деятельности которого сегодня в российской науке уделяется большое внимание. Агван Лобсан Доржиев (1853/54–1938) был родом из хоринских бурят, в 19 лет он со своим учителем отправился из Забайкалья в Тибет для получения высшего буддийского образования. Однако из-за запрета в Лхасе обучения для иностранцев Агван вынужден был вернуться. Через несколько лет он вновь отправился в Тибет, где поступил на обучение в Гоман-дацан. По окончании обучения А. Доржиев получил высшую учёную степень «лхарампа», и в том же году был назначен одним из наставников («цаннид-хамбо») юного далай-ламы. А. Доржиев имел большое влияние на далай-ламу, по существу он создал русофильскую политическую группировку, определившую на долгие годы характер тибетской внешней политики.

В конце 1897 года А. Доржиев был отправлен далай-ламой в Европу – в Россию и Францию. Как пишет А. И. Андреев, «<...> достигший совершеннолетия и взявший бразды правления в свои руки, XIII далай-лама, вероятно, по совету Доржиева, решил положить конец изоляции Тибета и начать диалог с Западом». А. Доржиев ехал с особой дипломатической миссией определения возможности оказания помощи Тибету этими странами и противостояния экспансионистской политике Британии [1].

Сам Доржиев о своих целях писал так: Неразумный, я думал так:

«Если Россия возьмёт Тибет под [своё] покровительство, то и у бурят их религия обретёт благополучие. А Тибет, получив такую защиту, вырвется из пасти иноземного врага» [11].

В Петербург Агван Доржиев прибыл в феврале 1898 года, благодаря помощи князя Э. Э. Ухтомского (дипломата, учёного и путешественника, издателя «Санкт-Петербургских ведомостей», известного своими буддофильскими пристрастиями) он получил аудиенцию у императора Николая II. <...> После завершения переговоров в Петербурге А. Доржиев весной 1898 г. поехал в Калмыкию, по возвращении оттуда отправился в Париж. Как отмечает А. И. Андреев, значительных успехов в реализации своих дипломатически-политических планов А. Доржиеву не удалось достичь, однако он подружился с будущим премьером Жоржем Клемансо, ко-

торый заинтересовался буддизмом и помог организовать Доржиеву буддийское богослужение (хурал) и лекцию о буддизме в Музее востоковедения Гиме 27 июня 1898 г. [1, с. 85].

На молебне присутствовали Жорж Клемансо, Александра Давид-Неэль (в будущем известная как писательница, путешественница, исследователь Тибета), Иннокентий Анненский (стихотворение «Буддийская месса в Париже») и Максимилиан Волошин.

А. Доржиев запомнил Волошина, о чём свидетельствует фрагмент записи диалога в волошинском дневнике от 10 августа 1905 г., в «Истории моей души» в разговоре с М. В. Сабашниковой: «Поедемте путешествовать. <...> Составимте маршрут <...> Гусиное озеро. <...> Да, <...> на Гусиное озеро мне непременно нужно <...>

– Вы знаете, что меня ждут на Гусином озере? Когда я был в Петербурге у С. Ольденбурга, я встретил у него двух бурят из Гусиноозёрских дацанов, и они узнали меня и сказали, что уже слышали обо мне от Ламы» [10].

Однако М. А. Волошин не совершил поездку на Восток. <...> Этому помешала и Русско-японская война, и активное творчество поэта, его новые религиозно-мистические увлечения (масонство, теософия, штейнерианство), обстоятельства личной жизни <...>

В творчестве М. Волошина мы не найдём отчётливых буддийских реминисценций, нет в нём сюжетных линий, связанных с буддизмом, хотя в 1905 году поэт писал М. В. Сабашниковой: «Христианство мне из всех религий дальше всего. Мне буддизм и Олимп ближе» [14, с. 90]. В лирику М. Волошина вплетены его многочисленные религиозно-мистические настроения, связанные с мировосприятием, особым ощущением времени и пространства, «телеологией пути» [16, с. 87].

О первой книге поэта «Годы странствий» (1900–1910) А. Кузьмин в статье «Письма о русской поэзии» (Аполлон. № 7. 1910) написал следующее: «Импрессионизм и оккультизм нам кажутся двумя определяющими особенностями этого интересного поэта».

На оккультизме как идейной основе поэзии М. Волошина А. Кузьмин останавливается отдельно: «К сожалению, мы недостаточно осведомлены в тайных науках, чтобы судить, насколько глубок оккультизм Максимилиана Волошина. Открывает ли он новые перспективы, или же ограничивает-

ся переложением – в звучные, несколько однотонные строфы – изысканий французских мыслителей в этой опасной области знания? Однако для нас важно то, что сама точка зрения автора – его взгляд на вещи, природу и человеческие чувства – насквозь проникнута оккультизмом. Эта, в конце концов, внежизненная, «внемировая» лирика, трепетно-холодная и гипнотизирующая, одетая в ослепительно-яркие, но не всегда согласованные между собою краски, эти местами щёгольские по технике, перегруженные, тяжеловато-пышные, торжественные строки производят впечатление влекущей и странной, несколько страшной маски <...> Можно не испугаться, не поверить, но пройти мимо, не смутившись хотя бы в первую минуту, невозможно» [12].

Попытка объединения скрытого мистического знания, присущего разным религиям, нашла отражение в стихотворении Волошина «Гностический гимн Деве Марии» (1907). Это стихотворение посвящено Вяч. Иванову. Дева Мария – это символ рождения мира, Духа, Божества. В этом стихотворении сплетены христианские, индуистские, буддийские и античные образы и символы. Это тайна, это мистерия жизни и смерти, света и тьмы, это материя, возникающая из мечты:

Дремная грёза
Отца Парабрамы,
Сонная Майя,
Праматерь-материя!
Грёза из грёзы...

[9, с. 86].

Здесь и *Mula-Pracriti* – не проявленная потенциальная природа, из которой рождается *Пракрити* (от санскр. «причина, материя») – материальная первопричина Вселенной (фундаментальное понятие философской системы индуизма *санкхьи*); и *Парабрама* (от санскр. *Para* – «наилучший» и *Brahma* – «Брама») – первообраз Браммы, высшее божество у индуистов, зиждитель мира, всеобщий дух [13].

Мария – это не только Матерь Божия, Мария – это и Майя, родившая Будду:

Майю в мире
Рождается Будда.
В областях звёздных
Над миром царит.
Верьте свершителю
Вышнего чуда:
Пламя, угасшее в безднах,
Горит!..
Майя – Мария!

Идея нового гнозиса (тайного знания) была одной из основных идей практически всех религиозно-мистических концепций конца XIX – начала XX века, и значимое место в этих эзотерических концепциях занимали буддийские идеи. Так, фундаментом для теософского учения Е. П. Блаватской (а в жизни М. Волошина большую роль сыграла А. Р. Минцлова – переводчица и активная участница теософского общества) послужили и христианский мистицизм, и символика каббалистических учений, и, конечно, идеи буддийской этики и метафизики.

В мае 1918 года в московском издательстве С. А. Абрамова «Творчество» в серии «Художественная библиотечка “Творчество”» вышел из печати третий сборник стихотворений М. Волошина «Иверни».

«Расколдовать вселенную» – лейтмотив этого сборника. Духовные поиски автора раннего периода творчества нашли отражение в разделе «Блуждания». В этом разделе первые десять произведений – из разных разделов первой книги стихов, при этом автор нарушает определённые ранее циклы – «Когда время останавливается» и «Руанский собор». Затем шесть стихотворений, публиковавшихся в периодике, и два – «Отроком строгим бродил я...» и «Пещера» – опубликованы впервые [7].

Среди настроений сборника: желание понять мир, познав текучесть времени, границы пространств и стремление определить своё творческое предназначение. В целом это мотивы, типичные для лирики русских поэтов начала XX века, с акцентированием внимания на противоположностях: «мгновенность – вечность», «единое – единичное и разделённое», «давнее – будущее», «земное – небесное», «всемирность – одиночество», «покой – борьба», «плоть – дух», «радость – горечь», «сопричастность – отчуждённость». Особенностью этих тем-противоположностей в лирике М. Волошина является также стремление к их если не синтезу, то объединению и отражению одного в другом.

Так, противоположность «вечность – мгновенность» разрешается автором в слове:

По ночам, когда в тумане
Звёзды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.

Я ловлю в мгновенья эти
Как свивается покров
Со всего, что в формах, в цвете,
Со всего, что в звуке слов
[4, с. 85].

В образе путника, прохожего:
Да, я помню мир иной –
Полустёртый, непохожий,
В вашем мире я – прохожий,
Близкий всем, всему чужой...

– находит выражение целый ряд противоположных характеристик.

Например, противоположности «единое – единичное и разделённое»:

Как ядро к ногам прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звёзды заглянуть.
Что одни зовут звериным,
Что одни зовут людским –
Мне, который был единым,
Стать отдельным и мужским!..
[4, с. 85].

Эта пара связана с противоречием «сопричастность – отчуждённость»:

Встречая восход Ориона,
Я понял
Ужас ослепшей планеты,
Сыновность свою и сиротство...
[4, с. 94].

Также:

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
Чужих полей
[4, с. 96].

Отсюда и путь поэта, путь «бездомный, долгий»:

Я странник и поэт, мечтатель и прохожий
[4, с. 91].

Противоречие «давнее – будущее» находит отражение в смерти и рождении, являющихся источником вечного:

... Все мы уже умерли где-то давно.
Все мы ещё не родились...
[4, с. 86].

И:

И не иссякнет бытие
Ни для меня, ни для другого:
Я быть, я есмь, я буду снова!
Предвечно странствие моё
[4, с. 93].

Противоположность «земное – небесное» выступает как источник единства космоса:

т. п.), так и самих следствий художественной рецепции идей буддизма. В связи с этими трудностями может произойти, во-первых, привнесение в анализ произведений писателей и поэтов уверенности, что буддийские идеи и реминисценции не просто должны там быть, но и то, что они играют определяющую роль в рассматриваемом литературном творчестве. Во-вторых, напротив, излишнее умаление значимости буддийских умонастроений и впечатлений для становления художественной концепции автора. Однако часто это второе – следствие разочарования при неудаче в

первом, когда оказывается, что буддийские интенции и интерес к буддийской культуре у автора были ситуационными и не определили так называемый переворот в его сознании. На наш взгляд, этого можно избежать, если помнить о том, что творчество – это процесс, в котором возможно разнонаправленное влияние многих идей, биографических фактов, личных встреч и отношений в контексте особого духа эпохи и интенций культуры, но всё же основным в этом процессе являются талант и личность художника, соединяющего в своём творчестве всё вышеназванное.

Список литературы

1. Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Нартанг, 2006. С. 79.
2. Андреев А. И. Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. С. 23–26.
3. Бунина С. Н. Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века (М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005. С. 14–15.
4. Волошин М. Иверни. М.: Творчество, 1918. С. 85.
5. Волошин М. Автобиография [«по семилетьям»]: написана Волошиным в 1925 г., в связи с 30-летием его литературной деятельности. Оригинал – в ИРЛИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.maxvoloshin.ru/7years> (дата обращения: 03.03.2015).
6. Волошин М. Автобиография [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.maxvoloshin.ru/autobio> (дата обращения: 14.03.2015).
7. Волошин М. Предварение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voloshin.crimea.ua/ma-voloshin/tvorchestvo/183-publikaczii-2007g.html> (дата обращения: 14.03.2015).
8. Волошин М. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_lir01.htm (дата обращения: 14.03.2015).
9. Волошин М. Годы странствий. М.: Директ-Медиа, 2010. С. 86.
10. Волошин М. История моей души. М.: Аграф, 1999. С. 146. В прим.: С. 146. Гусиное озеро (Кулун-нор) в Забайкалье – центр бурятского ламаизма. Собираясь в 1903 г. ехать туда (по пути в Китай), В. взял рекомендации к бурятским религиозным деятелям.
11. Доржиев А. Занимательные заметки: описание путешествия вокруг света: втобиография [в стихах] / пер. с монг. А. Д. Цендиной; транслит., предисл., коммент., глоссарий и указ. А. Г. Сазыкина, А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 2003. С. 48. (Памятники письменности Востока; СXXXII).
12. Кузьмин А. Письма о русской поэзии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0440oldorfo.shtml (дата обращения: 11.03.2015).
13. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / сост. Е. Ефремов; под ред. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Изд. 2-е. М., 1912.
14. Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог. М.: Молодая гвардия, 2005. 672 с.
15. Соловьёв Э. Благослови свой синий окоем. Космоперсонализм и историософская ирония Максимилиана Волошина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0080.shtml (дата обращения: 11.03.2015).
16. Яковлев М. В. Судьба России в поэзии А. Блока и М. Волошина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1995.

References

1. Andreev A. I. Tibet v politike tsarskoi, sovetskoi i postsovetskoi Rossii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Nartang, 2006. S. 79.
2. Andreev A. I. Khram Buddy v Severnoi stolitse. SPb.: Nartang, 2004. S. 23–26.

3. Bunina S. N. Poety marginal'nogo soznaniya v russkoi literature nachala XX veka (M. Voloshin, E. Guro, E. Kuz'mina-Karavaeva). M.: Izd-vo Ros. un-ta druzhby narodov, 2005. S. 14–15.
4. Voloshin M. Iverni. M.: Tvorchestvo, 1918. S. 85.
5. Voloshin M. Avtobiografiya [«po semilet'yam»]: napisana Voloshinym v 1925 g., v svyazi s 30-letiem ego literaturnoi deyatel'nosti. Original – v IRLI [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.maxvoloshin.ru/7years> (data obrashcheniya: 03.03.2015).
6. Voloshin M. Avtobiografiya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.maxvoloshin.ru/autobio> (data obrashcheniya: 14.03.2015).
7. Voloshin M. Predvarenie [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://voloshin.crimea.ua/ma-voloshin/tvorchestvo/183-publikaczii-2007g.html> (data obrashcheniya: 14.03.2015).
8. Voloshin M. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_lir01.htm (data obrashcheniya: 14.03.2015).
9. Voloshin M. Gody stranstvii. M.: Direkt-Media, 2010. S. 86.
10. Voloshin M. Istoriya moei dushi. M.: Agraf, 1999. S. 146. V prim.: S. 146. Gusinoe ozero (Kulun-nor) v Zabaikal'e – tsentr buryatskogo lamaizma. Sobirayas' v 1903 g. ekhat' tuda (po puti v Kitai), V. vzyal rekomendatsii k buryatskim religioznym deyatelyam.
11. Dorzhiev A. Zanimatel'nye zametki: opisanie puteshestviya vokrug sveta: vtobiografiya [v stikhakh] / per. s mong. A. D. Tsendinoi; translit., predisl., komment., glossarii i ukaz. A. G. Sazykina, A. D. Tsendinoi. M.: Vost. lit., 2003. S. 48. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka; SKhKhKhIl).
12. Kuz'min A. Pis'ma o russkoi poezii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0440oldorfo.shtml (data obrashcheniya: 11.03.2015).
13. Novyi polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkii yazyk s ukazaniem proiskhozhdeniya ikh, udarenii, otraslei znaniya i s rasshirennoi entsiklopedicheskoi chast'yu / sost. E. Efremov; pod red. I. A. Boduen-de-Kurtene. Izd. 2-e. M., 1912.
14. Pinaev S. M. Maksimilian Voloshin, ili Sebya zabyvshii bog. M.: Molodaya gvardiya, 2005. 672 s.
15. Solov'ev E. Blagoslovi svoi sinii okoem. Kosmopersonalizm i istoriosofskaya ironiya Maksimiliana Voloshina [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0080.shtml (data obrashcheniya: 11.03.2015).
16. Yakovlev M. V. Sud'ba Rossii v poezii A. Bloka i M. Voloshina: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. M., 1995.

Статья поступила в редакцию 20.04.2015